

НОТА МАСТЕРА

Если попробовать определить, как работает Олег Табаков, надо сказать о нем так: полнота самоотдачи при безупречном чувстве меры, при остроте угадывания, чего и в каких пределах требует от артиста роль, пьеса, спектакль.

Можно продлить фразу и сказать: Табаков наделен еще и интуитивным пониманием, что нужно театру и как он, Табаков, может этим требованиям соответствовать.

Это артист, который не захотел оставаться в плену собственной сильной лирической ноты. Обаяние этой ноты, неразделимость Табакова и тех деликатных и бескомпромиссных мальчиков из пьес Виктора Розова, которых он вывел на сцену четверть века назад, — все это было благодарно принято, но лишь немногие угадывали еще и мастерство, стоявшее за лирическим самоизъявлением, угадывали гибкость артистической техники, выработанной душевнейшим из тогдашних молодых.

Сегодня в Табакове видят прежде всего острого мастера, актера неограниченных «характерных» возможностей, работающего и парадоксально, и чеканно. Есть при этом опасность «прогладеть» тайный, нежный, странный лиризм его нынешних экранных и сценических созданий.

Суд души, чувство вины перед тем, что было тебе дано хорошего и что ты растерял, уступил, по той или иной причине не осуществил, тоска от жизни, прожитой «не так», пронизывают последнюю работу Олега Табакова в «Современнике» — роль Вадика Коняева из «Восточной трибуны» А. Галина. Уставший, сохранивший деликатность, но забывший свою счастливую бескомпромиссность «розовский мальчик», этот немоло-

дой Вадик сыгран, кажется, в былой манере — трогаяще и пленительно «от себя». Но та же тоска от жизни, прожитой «не так», неожиданно сквозит в монологе чеховского персонажа «О вреде табака» — Табаков произносит его в телевизионном «шоу» по Чехову, поставленном Б. Галантером. Здесь актером схвачено все: то, что это персонаж водевиля (умение жить по законам жанра — одно из свойств Табакова); то, что это персонаж Чехова (умение уловить не только характерность роли, но и куда более тонкую «характерность автора», — еще одно его свойство). И при всем том — совершенно своя, душевная, неожиданная нота. Боже мой, как этот водеvilный муж-подкаблучник плачет о своей глупой жизни, как тянет его прочь отсюда, где все — не по сердцу... У Табакова это звучит так, что в какую-то минуту понимаешь не только этого смешного человечка, но и то, скажем, состояние, в котором Лев Толстой куда глаза глядя уходил ночью из Ясной Поляны...

В СПЕКТАКЛЕ Художественного театра «Амадей» (автор Питер Шеффер, режиссер Марк Розовский) Табаков играет Антонио Сальери.

Он играет эту роль, блистательно пользуясь ее возможностями. Когда-то Станиславский заметил, что мешает такому-то концертанту: тот комкает «аллегро», уже живя в состоянии, в котором предстоит исполнять вторую часть, — и так далее. Надо помнить целое, но все же отдаваться всем прелестям «аллегро», каждой секунде его. Надо уметь его догнать до точки, поставить точку, перейти к следующему. Вот эта отчужденность частей, умение отыграть каждую — есть в исполнении роли Сальери.

Здесь тоже своего рода суд

души, но Табаков точно знает пределы пьесы, пределы ее психологичности (срабатывает то самое чувство меры: он знает, что потопил бы спектакль, усилив нагрузку). Перед судом жизнь удачливая, жизнь, в которой человек получил все, о чем торговался: хотел писать музыку — и писал; хотел премьеры в Париже — и имел ее; чего только не имел!

В пьесе Шеффера — довольно колеблющийся свет. Понимать ее можно так и эдак (вряд ли такой простор прихотливых толкований есть достоинство). В какие-то минуты можно подумать: никого этот Сальери не убивал. Он лжесвидетельствует на суде, где сам себя обвиняет. Просто боится забвения. Не смог остаться прославленным — так хоть остаться в веках ославленным. Вспомнит Моцарта — вспомнят и его убийцу.

Табаков с редкой четкостью ведет двойную фабулу спектакля — фабулу полутрагической, полубалаганной исповеди Сальери и фабулу его давней борьбы с соперником. Это умение важно отметить, ибо, кажется, сейчас на театре происходит возрождение вкуса к сюжету острому, не чуждающемуся драматических эффектов, неожиданных и ярких ударов событий, — а для такого сюжета требуется особая артистическая техника. Табаков демонстрирует полное, образцовое владение ею.

О чем еще сказать? Наверное, о свободе артиста: о внутреннем покое, который не изменяет ему. Хотя как не волноваться, если в первый раз играешь не там, где прожил всю жизнь.

Сальери — первая роль Табакова в Художественном театре, у Олега Ефремова.

Ирина СОЛОВЬЕВА.